

В. В. Розанов

Труды

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

В. В. Розанов

Труды / В. В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-3449-4

Философия Розанова является частью общего русского литературно-философского круга, однако особенности его существования в этом контексте выделяют его фигуру и позволяют говорить о нём как о нетипичном его представителе. Находясь в центре развития российской общественной мысли начала 20 в., Розанов вел активный диалог со многими философами, писателями, поэтами, критиками. Многие из его работ были идейной, содержательной реакцией на отдельные суждения, мысли, работы Бердяева, В. С. Соловьёва, Блока, Мережковского и др. и содержали развернутую критику этих мнений с позиций его собственного мировоззрения. Проблемы, занимавшие мысли Розанова, связаны с морально-этическими, религиозно-идейными оппозициями — метафизика и христианство, эротика и метафизика, православие и нигилизм, этический нигилизм и апология семьи. В каждой из них Розанов искал пути к снятию противоречий, к такой схеме их взаимодействий, при которой отдельные части оппозиции становятся разными проявлениями одних и тех же проблем в существовании человека

ISBN 978-5-4241-3449-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Василий Васильевич Розанов
Труды

РАССЫПАВШИЕСЯ ЧИЧИКОВЫ

1917

В 14 лет "Государственная" Дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет. Ах, так вот где закопаны были "Мертвые души" Гоголя... А их все искали вовсе не там... Искали "вокруг", а вокруг были Пушкин, Лермонтов, Жуковский, два Филарета, Московский и Киевский... Зрелище Руси окончено.- "Пора надевать шубы 1 и возвращаться домой". Но когда публика оглянулась, то и вешалки оказались пусты; а когда вернулись "домой", то дома оказались сожженными, а имущество разграбленным. Россия пуста. Боже, Россия пуста. Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостною рабою. Она вообще продала все, что у нее торговали и покупали. И что поразительно: она нисколько не считает виновною и "кающегося дворянина в ней нет". Она и до сих пор считает себя правою и вполне невинною. Единственный в мире парламент. Как эти Чичиковы ездили тогда в Лондон 2. Да и вообще они много ездили и много говорили. "Нашей паве хочется везде показаться". И... "как нас принимали!" Оказались правы одни славянофилы. Один Катков. Один Конст. Леонтьев. Поразительно, что во все время революции эти течения (славянофильско-катковское) нашей умственной жизни не были даже вспомнены. Как будто их никогда даже не существовало. Социалисты и инородцы единственно действовали. - А что же русские? Досыпали "сон Обломова", сидели "на дне" Максима Горького и, кажется, еще в "яме" Куприна... Мечтая о "золотой рыбке" будущности и исторического величия.

Примечания 1 Пора надевать шубы (...) разграбленным - вариант главки из № 8-9 "Апокалипсиса нашего времени" (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 427). 2 ездили тогда в Лондон - речь идет о визите в Лондон депутатов III Думы в 1909 г. или о посещении депутатами IV Думы союзников, в частности Англии в 1916 г. См.: Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 32-36, 201-212.

Розанов

В.В. Розанов

Последние листья. 1916 год

3.I.1916

Неумная, пошлая, фанфаронная комедия.

Не очень "удавшаяся себе".

Ее "удача" произошла от множества очень удачных выражений. От остроумных сопоставлений. И вообще от множества остроумных подробностей.

Но, поистине, лучше бы их всех не было. Они закрыли собою недостаток "целого", души. Ведь в "Горе от ума" нет никакой души и даже нет мысли. По существу это глупая комедия, написанная без темы "другом Булгарина" (очень характерно)...

Но она вертлява, игрива, блестит каким-то "заимствованным от французов" серебром ("Альцест и Чацкий" А.Веселовского), и понравилась невежественным русским тех дней и последующих дней.

Через "удачу" она оплоскодонила русских. Милые и глубокомысленные русские стали на 75 лет какими-то балаболками. "Что не удалось Булгарину - удалось мне", - мог бы сказать плоскоголовый Грибоедов.

Милые русские: кто не ел вашу душу. Кто не съедал ее. Винить ли вас, что такие глупые сейчас.

Самое лицо его - лицо какого-то корректного чиновника Мин.инстр.дел - в высшей степени противно. И я не понимаю, за что его так любила его Нина.

"Ну, это особое дело, розановское". Разве так. 10.I.1916

Темный и злой человек, но с ярким до непереносимости лицом, притом совершенно нового в литературе стиля. (resume о Некрасове) В литературу он именно "пришел", был "пришелец" в ней, как и в Петербург "пришел", с палкою и узелком, где было завязано его имущество. "Пришел" добывать, устроиться, разбогатеть и быть сильным. Он, собственно, не знал, как это "выйдет", и ему было совершенно все равно, как "выйдет". Книжка его "Мечты и звуки"², - сборник жалких и льстивых стихов к лицам и событиям, показывает, до чего он мало думал быть литератором, приносившись "туда и сюда", "туда и сюда". Он мог быть и слугою, рабом или раболепным царедворцем - если бы "вышло", если бы продолжалась линия и традиция людей "в случае". На куртаге случилось оступиться, -

Изволили смеяться...

Упал он больно, встал здорово.

Был высочайше пожалован улыбкой³. Все это могло бы случиться, если бы Некрасов "пришел" в Петербург лет на 70 ранее. Но уже недаром он назывался не Державиным, а Некрасовым. Есть что-то такое в фамилии. Магия имен...

Внутренних препон "на куртаге оступиться" в нем не было никаких: и в Екатерининскую эпоху, в Елизаветинскую эпоху, а лучше всего - в эпоху Анны и Бирона он, в качестве 11-го прихлебателя у "временщика", мог бы на иных путях и иными способами сделать ту "счастливую фортуна", какую лет 70 "после" ему приходилось сделать, и он сделал естественно уже совершенно другими способами.

Как Бертольд Шварц - черный монах - делая алхимические опыты, "открыл порох", смешав уголь, селитру и серу, так, марая разный макулатурный вздор Некрасов написал одно стихотворение "в его насмешливом тоне", - в том знаме-

нитом впоследствии "некрасовском стихосложении", в каком написаны первые и лучшие стихи его, и показал Белинскому, с которым был знаком и обдумывал разные литературные предприятия, отчасти "толкая вперед" приятеля, отчасти думая им "воспользоваться как-нибудь". Жадный до слова, чуткий к слову, воспитанный на Пушкине и Гофмане, на Купере и Вальтер-Скотте словесник удивленно воскликнул:

- Какой талант. И какой топор ваш талант4.

Это восклицание Белинского, сказанное в убогой квартирке в Петербурге, было историческим фактом - решительно начавшим новую эру в истории русской литературы.

Некрасов сообразил. Золото, если оно лежит в шкатулке, еще драгоценнее, чем если оно нашито на придворной ливрее. И главное, в шкатулке может лежать его гораздо больше, чем на ливрее. Времена - иные. Не двор, а улица. И улица мне даст больше, чем двор. А главное или, по крайней мере, очень важное - что все это гораздо легче, расчет тут вернее, вырасту я "пышнее" и "сам". На куртаге "оступиться" - старье. Время - перелома, время - брожения. Время, когда одно уходит, другое - приходит. Время не Фамусовых и Державиных, а Figaro-ci, Figaro-la' (Фигаро здесь, Фигаро там (фр.)).

Моментально он "перестроил рояль", вложив в него совершенно новую "клавиатуру". "Топор - это хорошо. Именно топор. Отчего же? Он может быть лирой. Время аркадских пастушков прошло".

Прошло время Пушкина, Державина, Жуковского. О Батюшкове, Веневитинове, Козлове, кн. Одоевском, Подолинском - он едва ли слышал. Но и Пушкина, с которым со временем он начал "тягаться", как властитель дум целой эпохи, - он едва ли читал когда-нибудь с каким-нибудь волнением и знал лишь настолько, чтобы написать параллель ему, вроде: Поэтом можешь ты не быть,

Но гражданином быть обязан5. Но суть в том, что он был совершенно нов и совершенно "пришелец". Пришелец в "литературу" еще более, чем пришелец "в Петербург". Как ему были совершенно чужды "дворцы" князей и вельмож, он в них не входил и ничего там не знал, так он был чужд и почти не читал русской литературы; и не продолжил в ней никакой традиции. Все эти "Светланы", баллады, "Леноры", "Песнь во стане русских воинов"6 были чужды ему, вышедшему из разоренной, глубоко расстроенной и никогда не благоустроенной родительской семьи и бедной дворянской вотчины. Сзади - ничего. Но и впереди - ничего. Кто он? Семьянин? Звено дворянского рода (мать - полька)? Обыватель? Чиновник или вообще служитель государства? Купец? Живописец? Промышленник? Некрасов-то? Ха-ха-ха...

Да, "промышленник" на особый лад, "на все руки" и во "всех направлениях". Но все-таки слово "промышленник" в своей жесткой филологии - идет сюда.

"Промышленник", у которого вместо топора - перо. Перо как топор (Белинский). Ну, он этим и будет "промышлять". Есть промышленность, с "патентами" от правительства и есть "промыслы", уже без патентов. И есть промыслы великороссийские, а есть промыслы еще и сибирские, на черно-бурую лисицу; на горностаю, ну - и на заблудившегося человека. (прервал, вздумав переделать на фельетон. См. фельетон)7 16.I.1916

Я не хотел бы читателя, который меня "уважает". И который думал бы, что я талант (да я и не талант). Нет. Нет. Нет. Не этого, другого.

Я хочу любви.

Пусть он не соглашается ни с одной моей мыслью ("все равно"). Думает, что я постоянно ошибаюсь. Что я врала (даже). Но он для меня не существует вовсе, если он меня безумно не любит.

Он думает только о Розанове. В каждом шаге своем. В каждый час свой.

Не советуется мысленно со мной: "Я поступлю так, как поступил бы Розанов". "Я поступлю так, что Розанов, взглянув бы, сказал - да".

Как это возможно?

Я для этого и отрекся с самого же начала от "всякого образа мыслей", чтобы это было возможно! (т.е. я оставляю читателю всевозможные образы мыслей). Меня - нет. В сущности. Я только - веяние. К вечной нежности, ласке, снисходительности, прощению. К любви.

Друг мой, ты разве не замечаешь, что я только тень около тебя и никакой "сущности" в Розанове нет? В этом сущность - Providentia (Провидения (лат.)). Так устроил Бог. Чтобы крылья мои двигались и давали воздух в ваших крыльях, а лица моего не видно.

И вы все летите, друзья, ко всяким своим целям, и поистине я не отрицаю ни монархии, ни республики, ни семьи, ни монашества, - не отрицаю, но и не утверждаю. ибо вы никогда не должны быть связаны.

Ученики мои - не связаны.

Но чуть грубость - не я.

Чуть свирепость, жесткость - тут нет меня.

Розанов плачет, Розанов скорбит.

"Где ж мои ученики?"

И вот они собрались все: в которых только любовь.

И это уже "мои".

Потому-то я и говорю, что мне не нужно "ума", "гения", "Значительности"; а чтобы люди "завертывались в Розанова", как станут поутру, и играя, шумя, трудясь, в день 1/10 минутки всего вспомнили: "этого всего от нас хотел Розанов".

И как я отрекся "от всего образа мыслей", чтобы ради всегда быть с людьми и ни о чем с ними никогда не спорить, ничем не возражать им, не огорчать их - так "те, которые мои" - пусть дадут мне одну любовь свою, но полную: т.е. мысленно всегда будут со мною и около меня.

Вот и все.

Как хорошо.

Да? 16.I.1916

Вася Баудер (II - III кл. гимназии, Симбирск)⁸ приходил обыкновенно ко мне по воскресеньям часов в 11 утра. Он носил гимназическое пальто, сшитое из серого (темно-серого), толстого, необыкновенной красоты сукна, которое стояло "колом" или как туго накрахмаленное, - и это являло такую красоту, что, надевая его только на плечи, - как-то слегка приседал от удовольствия носить такое пальто.

Он был из аристократического семейства и аристократ. Во-первых, - это пальто. Но и самое главное - у них были крашенные полы и отдельно гостиная, небольшая зала, отцов кабинет и спальня. Еще богаче их были только Руне - у них была аптека, и Лахтин. У мальчика Лахтина (Степа) была отдельная, холодная комната с белкой в колесе, а на Рождество приезжала красивая сестра и с нею

подруга - Юлия Ивановна.

С ними (барышнями) я не смел никогда разговаривать. И когда одна обратилась ко мне, я вспыхнул, заметался и нечего не сказал.

Но мы мечтали о барышнях. Понятно. И когда Вася Баудер приходил ко мне по воскресениям, то садилась спиной друг к другу (чтобы не рассеиваться) за отдельные маленькие столики и писали стихотворение: К НЕЙ Никогда и решительно никакой другой темы не было. "Ее" мы никакую не знали, потому что ни с одной барышнею не были знакомы. Он, полагаясь на свое великолепное пальто, еще позволял себе идти по тому тротуару, по которому гимназистки шли, высыпая из Мариинской гимназии (после уроков). У меня же пальто было мешком и отвратительное, из дешевенького вялого сукна, которое "мякло" на фигуре. К тому же я был рыжий и красный (цвет лица). Посему он имел вид господства надо мною, в смысле что "понимает" и "знает", "как" и "что". Даже - возможность. Я же жил чистой иллюзией.

У меня был только друг Кропотов, подписывающийся под записками: Kropotini italo9, и эти "издали" Руне и Лахтин.

Мы спорили. У меня было ухо, у него глаз. Он утверждал, насмешливо, что я пишу вовсе не стихи, потому что "без рифмы"; напротив - мне казалось, что скорее он, не я, пишет прозу, п.ч., хотя у него оканчивалось созвучиями: "коня", "меня", "друг", "вдруг", но самые строки были вовсе без звука, без этих темпов и периодичности, которые волновали мой слух, и впоследствии мы узнали, что это зовется стихосложением. Напр., у меня:

Ароматом утро дышит

Ветерок чуть-чуть колышет...

Но если "дышит" и "колышет" не выходило, то я ставил смело и другое слово, твердя, что это все-таки "стих", п.ч. есть "гармония" (чередующиеся ударения). У него...

У него были просто строчки, некрасивые, по мне - дурацкие, "совершенная проза" но зато "созвучие" последних слов, этих концов строк, что мне казалось - ничто. Это были и не теперешние белые стихи: это была просто буквальная проза, без звона, без мелодии, без певучести, и только почему-то с "рифмами", на которых он помешался.

Так мы жили.

Я сохранил его письма. Именно, едва перейдя в IV класс, я был взят братом Колею в Нижний10, должно быть, "быстро развился там" (Нижегородская гимназия была несравнима с Симбирской), "вознесся умом" и написал на "старую родину" (по учению) несколько высокомерных писем, на которые он отвечал мне так:

[сюда поместить непременно, непременно, непременно!!! - письма Баудера. См. Румянцевский музей] «позднейшая приписка». 16.I.1916

"Я" есть "я", и это "я" никогда не станет - "ты".

И "ты" есть "ты", и это "ты" никогда не делается как "я".

Чего же разговаривать. Ступайте вы "направо", я - "налево", или вы "налево", я "направо".

Все люди "не по дороге друг другу". И нечего притворяться.

Всякий идет к своей Судьбе.

Все люди - solo. 23.I.1916 Так обр. Гоголь вовсе и не был неправ? (Первоос-

нова русск. действительности), и не в нем дело. Если бы Гоголя благородно восприняло благородное общество: и начало трудиться, "восходить", цивилизовываться, то все было бы спасено. Но ведь произошло совсем не это, и нужно заметить, что в Гоголе было такое, чтобы именно "произошло не это". Он писал вовсе не с "горьким смехом" свою "великую поэму", Он писал ее не как трагедию, трагически, а как комедию, комически. Ему самому было "смешно" на своих Маниловых, Чичиковых и Собакевичей, - смех, "уморушка" чувствуется в каждой строке "М.Д.". Тут Гоголь не обманет, сколько ни хитри. Слезы появляются только в конце, когда Гоголь увидал сам, какую чудовищность он наворотил. "Finis Russorum" ("Конец Руси" (лат.)).

И вот подло ("комически") написанную вещь общество восприняло подло: и в этом заключается все дело. Чернышевские - Ноздревы и Добролюбовы - Собакевичи заготовили во всю глотку: - А, так вот она наша стерва. Бей же ее, бей, да убей.

Явилась эра убивания "верноподданными" своего отечества. До 1-го марта 11 и "нас", до Цусимы 12. 23.1.1916

Действие "М.Д." и было это: что подсмотренное кое-где Гоголем, действительно встретившееся ему, действительно мелькнувшее перед его глазом, ГЛАЗОМ, и в чем гениально, бессмысленно и по наитию, он угадал "суть суетей" моральной Сивухи России - через его живопись, образность, через великую схематичность его души - обобщилось и овселенкилось. Дробинки, частицы выросли во всю Русь. "Мертвые души" он не "нашел", а "принес". И вот они "60-ые годы", хохочущая "утробушка", вот мерзавцы Благоветовы 13 и Краевские 14, которые "поучили бы Чичикова". Вот совершенная копия Собакевича - гениальный в ругательствах Щедрин. Через гений Гоголя у нас именно появилось гениальное в мерзостях. Раньше мерзость была бесталанна и бессильна. К тому же, ее естественно пороли. Теперь она сама стала пороть ("обличительная литература"). Теперь Чичиковы стали не только обирать, но они стали учителями общества.

- Все побежало за Краевским. К Краевскому.

У него был дом на Литейном. "Павел Иванович уже оперился".

И в трубу "Отеч. Записок" дал "Евангелие общечеловечности". 26.1.1916

Вот ты прошел мимо дерева: смотри, оно уже не то.

Оно приняло от тебя тень кривизны, лукавства, страха. Оно "трясучись" будет расти, как ты растешь. Не вполне - но тенью:

И нельзя дохнуть на дерево и не изменить его.

Дохнуть в цветок - и не исказить его.

И пройти по полю - и не омертвить его.

На этом-то основаны "священные рощи" древности.

В которые никто не входил никогда.

Они были - для народа и страны как хранилища нравственного. Среди виновного - они были невинными. И среди грешного - святыми.

Неужели никто не входил?

В историческое время - никто. Но я думаю, в доисторическое время "Кариатид" и "Данаид"?

Эти-то, именно эти рощи были местом зачатий, и через это древнейшими на земле храмами.

Ибо храмы - конечно возникли из особого места для столь особого, как зачатия.

Это была первая трансцендентность, встретившаяся человеку (зачатие).